

Концепции правосубъектности систем искусственного интеллекта

И. Б. Данилов¹*

¹Сибирский государственный университет геосистем и технологий, г. Новосибирск,
Российская Федерация
*e-mail: 0615222@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены основные подходы к правовому регулированию общественных отношений с участием и использованием систем искусственного интеллекта. Проанализированы различные концепции их правосубъектности. Определено, что в настоящий момент в юридической науке наиболее широко представлено три подхода: концепция деликтоспособности систем искусственного интеллекта, концепция деликтоспособности и правоспособности, концепция полной правосубъектности. Сделан вывод о том, что принципиальный выбор одного из трех подходов представляет собой особую значимость для всего развития законодательства в данной сфере и является первоочередным.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосубъектность, правоспособность, дееспособность, деликтоспособность, юридическая ответственность, цифровое право

Concepts of legal personality of artificial intelligence systems

I. B. Danilov¹*

¹ Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation
* e-mail: 0615222@mail.ru

Abstract. This article discusses the main approaches to the legal regulation of public relations with the participation and use of artificial intelligence systems. Various concepts of their legal personality are analyzed. It has been determined that at the moment three approaches are most widely represented in legal science: the concept of delinquency of artificial intelligence systems, the concept of delinquency and legal capacity, the concept of full legal personality. It is concluded that the fundamental choice of one of the three approaches is of particular importance for the entire development of legislation in this area, and is a priority.

Keywords: artificial intelligence, legal personality, legal capacity, tortiousness, legal liability, digital law

Проблемы правового регулирования отношений с участием искусственного интеллекта являются весьма актуальными на сегодняшний день. Несмотря на то, что данная тематика привлекает внимание ученых и юристов-практиков уже на протяжении нескольких лет, в российском законодательстве так и не появилось специальных норм, которые бы комплексно урегулировали дискуссионные вопросы, связанные с деятельностью систем искусственного интеллекта и их юридическим оформлением. Более того, на текущий момент отсутствует даже единая концепция, характеризующая подход законодателя к восприятию правовой природы носителей искусственного интеллекта. Можно с уверенностью сказать, что развитие прогрессивного и последовательного законодательства, регла-

ментирующего указанные общественные отношения, невозможно без однозначного решения ключевого вопроса: вопроса о правосубъектности систем искусственного интеллекта.

С определенной долей обобщения можно сказать о том, что впервые представленный вопрос стал предметом рассмотрения российского законодателя в 2016 году, когда в Государственную думу РФ был внесен законопроект о дополнении Гражданского кодекса РФ в части Подраздела 2 «Лица» новой Главой 5.1 «Роботы-агенты». По замыслу разработчиков поправок в российском правовом порядке должен был появиться новый субъект права, представляющий собой робота, по решению собственника и в силу конструктивных особенностей предназначенного для участия в гражданском обороте. В соответствии со ст. 127.1 Законопроекта, «робот-агент имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности. В случаях, установленных законом, робот-агент может выступать в качестве участника гражданского процесса» [1].

Законопроект не получил поддержки в правотворческом органе, но стал предметом обсуждения в юридическом научном сообществе, поскольку, в известной мере, обобщил теоретические размышления ряда ученых о возможности наделения систем искусственного интеллекта частичной или же полной правосубъектностью.

Анализируя различные подходы, сформулированные в науке, можно принципиально выделить несколько подходов к решению данного вопроса.

Концепция частичной правосубъектности, ограничивающейся деликтоспособностью, сводится к необходимости первоочередного решения проблем деликтных обязательств, возникающих с участием систем искусственного интеллекта. Носители искусственного интеллекта, выполняющие автономные функции, обладают реальной возможностью причинения вреда другим субъектам права. Так, например, беспилотные транспортные средства могут становиться виновниками дорожно-транспортных происшествий, роботы, выполняющие сервисные функции, могут причинять вред имуществу. В юридической науке предложены разные подходы к определению надлежащего субъекта ответственности в данном случае. Указывается, в частности, на возможность привлечения к ответственности лица, программировавшего систему искусственного интеллекта, лица, фактически использующего её в качестве инструмента, а также на саму систему (в будущем, при наличии необходимой нормативно-правовой базы) [2].

П.П. Баранов, анализируя особенности применения мер юридической ответственности к таким фактам, отмечает, что следует обсудить вопрос о возможности внесения в гражданское право нового правового статуса для роботов «электронное лицо», что в принципе могло бы позволить включить их в существующую систему гражданско-правовой ответственности. При этом в гражданском праве должно быть закреплено положение о праве на установление причинно-следственных связей между действиями (бездействиями) робота и ущербом, который он нанес, чтобы иметь возможность взыскать компенсацию с производителя этого робота [3].

Позиция о необходимости признания правосубъектности роботов для совершенствования механизмов реализации юридической ответственности поддержи-

вается и профессором Йельской школы права Дж. Балкиным. Он отмечает, что если не констатировать правосубъектность роботов, возникает значительная проблема, связанная с определением надлежащего субъекта ответственности, поскольку круг лиц, участвующих в деятельности робота, чрезвычайно широк. К нему относится и производитель робота, и собственник, и его владелец. Зачастую определить долю и размер ответственности каждого из них не представляется возможным [4]. Кроме того, к упомянутому кругу лиц может быть отнесен еще и злоумышленник, неправомерно и несанкционированно получающий доступ к программному обеспечению системы искусственного интеллекта и осуществляющий вмешательство в его деятельность. Сложный и полиморфный характер роботизированных систем зачастую вообще не позволяет дать однозначного ответа о лице, ответственном за те или иные сбои в их работе. Признание деликтоспособности систем искусственного интеллекта позволяет полностью решить эту проблему, в том числе, путем установления обязанности страхования их гражданской ответственности. В.А. Лаптев также отмечает возможность установления субсидиарной ответственности создателя искусственного интеллекта на промежуточном этапе [5].

Другая концепция правосубъектности систем искусственного интеллекта основывается на необходимости признания их деликтоспособности и частичной правоспособности. Известный исследователь данных вопросов П. М. Морхат вводит понятие «юнит искусственного интеллекта», под которым подразумевает любые компьютерные или киберфизические системы с антропоформным (человекоподобным) интеллектом. Не подвергая сомнению возможность признания деликтоспособности подобных «юнитов», он также делает вывод о возможности наделения их ещё и ограниченной правоспособностью. Так, в случае достижения ими в будущем значительной степени автономности, под которой понимается способность выполнять поставленные задачи в зависимости от текущего состояния и восприятия окружающей среды без вмешательства человека, а также при возможности констатации в отношении них такого важного признака субъекта права как автономии воли, допустимо будет говорить о таких правах роботов, как право на целостность и неприкосновенность, свобода слова, интеллектуальные права, авторские права [2].

Наконец, последняя концепция, представленная в юридической науке, заключается в необходимости признания полной правосубъектности систем искусственного интеллекта, включая их дееспособность. Расширительно толкуя теорию фикции юридического лица, определяя его как «явление, созданное правом порядком» [6], современные исследователи проблем теории права формулируют обоснованное предположение о том, что генезис правопорядка неизбежно влечет и эволюцию категории правосубъектности. Таким образом, система искусственного интеллекта может представлять собой аналогичную фикцию, то есть отвечать критерию целевого имущества. В поддержку тезиса о необходимости максимального расширения правосубъектности таких систем, указывается на существование процессуальных прав носителей искусственного интеллекта.

В настоящее время используются и продолжают совершенствоваться системы автоматической фиксации административных правонарушений. Автоматизированная система управления, при этом, осуществляет целый комплекс действий, связанных с фиксацией, квалификацией деяния, установлением личности правонарушителя, выбором размера наказания. Как справедливо отметил директор Института права и развития ВШЭ – Сколково А. Иванов в рамках экспертной дискуссии «Искусственный интеллект и государство» на базе Гайдаровского форума 2019, человек при этом, по сути, выступает лишь как средство легитимации совершаемого процессуального действия, или же акцептором действий робота. Перспективы развития подобных систем позволяют поставить вопрос о наделянии робота процессуальным статусом лица, рассматривающего дело об административном правонарушении.

Активная деятельность в направлении создания систем искусственного интеллекта, имитирующих деятельность судьи, а также осуществляющих функции представителей по судебным делам, позволяют рассматривать вопрос о процессуальных правах таких систем не как исключительно гипотетический, а как назревший и требующий законодательного решения.

Анализ представленных концепций правосубъектности систем искусственного интеллекта, позволяет сформулировать вывод о том, российская правовая действительность в настоящий момент требует принятия принципиального решения в данной сфере. Только первоочередное определение модели восприятия искусственного интеллекта в призме его правосубъектности позволит определить вектор дальнейшего развития законодательства РФ о робототехнике и об искусственном интеллекте, что представляется первоочередной задачей в условиях международной технологической конкуренции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Архипов В. В., Наумов В. Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. – 2017. – № 6. – С. 46–62.
2. Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд : монография. – М. : Буки Веди, 2017. – 257 с.
3. Баранов П. П. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в России: некоторые подходы к решению проблемы // Северо-кавказский юридический вестник. – 2018. – № 1. – С. 39–45.
4. Balkin J. V. The Path of Robotics Law [Путь развития правового регулирования роботов] // California Law Review. – 2015. – Vol. 6. – P. 45–60.
5. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – С. 79–102.
6. Гуцин В. В. Понятие и классификация юридических лиц // Современный юрист. – 2015. – № 3. – С. 20–28.

© И. Б. Данилов, 2022